

ПСИХОЛОГИЯ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ.

I.

Всем известно, какую огромную роль играют свидетели в судебных делах, в особенности, в уголовных делах. Показания свидетелей являются в большинстве дел главным, а часто единственным доказательным материалом, подтверждающим или опровергающим факты, вменяемые в вину обвиняемому. На свидетельских показаниях часто всецело и исключительно основываются судебные приговоры, они составляют главнейшее орудие, которым оперирует правосудие, от них зависит судьба людей, сидящих на скамье подсудимых.

На чём основано такое доверие, оказываемое судом неизвестному ему человеку, который стоит пред судьейским столом и рассказывает ему о том, что он видел и слышал?

Этому даются различные объяснения. Известный ученый, криминолог Бентам объясняет это тем, что люди, вообще, склонны к спокойному состоянию, а изобретать ложь гораздо затруднительнее, чем говорить правду; поэтому предполагается, что в самой природе человеческой заложена склонность к правдивому, соответствующему действительности, изложению виденного и слышанного. Другие полагают, что свидетели побуждаются к правде присущим большинству людей сознанием, что без правды невозможен нормальный порядок общежития. Третьи объясняют предполагаемую правдивость свидетелей религиозными и моральными соображениями и боязнью кары небесной или земной. Вообще же, в жизни всякое общение между людьми—рассказ, показание, извещение, донесение, доклад—покоится на той презумпции, что люди, вообще, способны восстанавливать пережитую действительность при помощи памяти и что они в большинстве случаев искренне к тому расположены, другими словами, что они объективны и правдивы.

На том или другом основании—показания свидетелей, по общему правилу, предполагаются достоверными, и поэтому служат законным источником доказательного материала, которым оперирует правосудие для отыскания истины. Только в двух случаях достоверность свидетельских показаний может быть по закону опорачиваема и оспариваема:

1) когда имеется налицо явная недобросовестность свидетеля—умышленно лживое показание, вследствие ли побуждений чувства злобы и мести против обвиняемого, или вследствие преступного ожидания выгоды от исхода процесса, и

2) когда у свидетеля имеются какие-либо органические дефекты или болезненное состояние, лишающие его возможности говорить правду, вследствие его неспособности нормально воспринимать впечатления внешнего мира или нормально перерабатывать впечатления в своем мозговом аппарате (напр., слепые, глухие, страдающие дальтонизмом, т. е. неспособностью различать цвета, или умалишенные, психически неуравновешенные, кретины, идиоты, не умеющие объективно ориентироваться в окружающем, неспособные различать мир действительности и мир их болезненной фантазии). За этими исключениями, всякое показание свидетеля нормально, по предписанию закона, должно приниматься Судом, как законное доказательство, в подтверждение или в опровержение фактов, лежащих в основе судебных приговоров.

В этом спокойном, доверчивом отношении к показаниям свидетелей правосудие пребывало в течение многих веков. Но вот в конце XIX ст. это доверие было поколеблено. Наблюдениями и опытами представителей экспериментальной психологии было обнаружено, что люди часто видят и слышат то, чего вовсе не было в действительности, и не видят и не слышат того, что было в действительности; оказывается, что из потока впечатлений, воспринимаемых каждым из нас из внешнего мира, многое вовсе не попадает в сферу нашего сознания или отпечатлевается в мозговом аппарате с недостаточною точностью и отчетливостью, или переплетается с продуктами воображения и воли и дает сознанию неверные представления, обуславливающие собою ложные умозаключения и причудливые иллюзии. Произведенные в этом направлении опыты дали поразительные результаты, свидетельствующие о несовершенстве человеческих способностей, как источника и средства воспроизведения прошлой действительности, и о многочисленных и разнообразных ошибках в показаниях свидетелей, в которых часто содержится бессознательное и невольное извращение этой действительности; между тем, цель свидетельского показания заключается именно и единственно в воспроизведении, путем воспоминания, виденного и воспринятого в прошлом.

Таким образом, обнаруживается, что, кроме умышленной лжи, обуславливаемой недобросовестностью свидетеля, или лжи патологической, обуславливаемой физическими или психическими недостатками, существует еще „ложь добросовестная“, „нормальная“, которой вовсе не подозревают

сами свидетели, искренно уверенные в том, что они показывают правду,—ложь бессознательная, которая, по выражению одного из наших писателей, „лжет истиной“. Имеется, стало быть, пред лицом правосудия, „правдивая ложь“ или „лживая правда“.

Этими наблюдениями была выдвинута проблема, одинаково интересная для психологов и для юристов, и заключающаяся в вопросе: в какой мере среднее показание нормального, непредубежденного, добросовестного свидетеля можно считать верным воспроизведением объективного факта?

II.

Сомнения в безусловной достоверности свидетельских показаний возникали не раз в судебной практике при обнаруживавшихся судебных ошибках. Один старый французский судья, выдавший на своем веку много свидетелей и знавший не мало судебных ошибок, выразил эти сомнения в шуточной форме, сказав: „если бы меня обвинили в краже башен с церкви *Nôtre—Dame*, я первым делом постарался бы скрыться“. Известны многочисленные исторические процессы (как напр., знаменитое дело Калласа, который был осужден и четвертован, впоследствии же, благодаря могущественным усилиям Вольтера, был реабилитирован), которые убеждают в том, что судебные ошибки, основанные на показаниях добросовестно заблуждающихся свидетелей, стары, как сам суд. Также в художественной литературе встречается не мало примеров, показывающих, как, вследствие цепи случайностей, может совершенно измениться в представлениях и воспоминаниях очевидцев-свидетелей объективная обстановка и причинная связь фактов. Вспомним подробно описанное Достоевским в „Братьях Карамазовых“ судебное дело по обвинению Дмитрия Карамазова в убийстве отца, или замечательный рассказ Анатоля Франса „Кренкебиль“, в котором излагается простая история—как уличный продавец овощей Кренкебиль был привлечен к суду по обвинению в оскорблении полицейского и как на суде свидетели, к величайшему изумлению обвиняемого, в своих показаниях об обстоятельствах уличного инцидента, случайными очевидцами которого они были, видели и слышали то, чего в действительности совершенно не было. То же замечаем в исторических мемуарах, хрониках, воспоминаниях, в которых один и тот же факт излагается очевидцами самым разноречивым и даже противоречивым образом.

Богатый материал психологических наблюдений в области судебной имеется у английских исследователей. Еще Бентам в своем исследовании о судебных доказательствах (1827 г.) подверг вопрос о психологических или, как он

называет их, интеллектуальных основаниях ошибочности свидетельских показаний, основательному рассмотрению. С тех пор проблема эта составляла предмет исследования английской науки и вызывала значительный интерес у английских судебных деятелей. „Мы часто ошибаемся, говорит судья, лорд Поллок, даже в том, что, как нам кажется, мы видим; и еще чаще мы ошибаемся в том, что, как нам кажется, мы слышим. Но и помимо того, что все чувства наши сплошь и рядом обманывают нас, надлежащее истолкование всего воспринятого через их посредство представляет собою задачу далеко не легкую, требующую часто от наблюдателя специальных познаний. Так, напр., вопрос о расстоянии является одним из обычных, с которым обращаются на суде к свидетелям; а между тем редко кто способен мало-мальски точно определить на глаз расстояние: для этого необходим навык, который дают лишь немногие специальные знания“.

Также известный австрийский криминалист Ганс Гросс в его „Руководстве для судебных следователей“, вышедшем в 1893 г., и в „Криминальной психологии“, вышедшей в 1898 г., трактуя о допросе правдивого свидетеля, указывает на то, что „уже из повседневной жизни нам известно, что люди различно воспринимают обыкновенные происшествия, различно сохраняют их в памяти и различно передают их... Почти в каждом случае поражаешься, как различно каждый свидетель передает обстоятельство дела, не обнаруживая при этом ни малейшего колебания“.

Таких указаний в юридической и психологической литературе имеется не мало. Но эти отдельные указания и факты не имели значения, потому что не были приведены в научную систему. Лишь в последнее десятилетие XIX в., совместными усилиями психологов и криминалистов, был научно изучен механизм свидетельских показаний, как средства изображения прошлой действительности и как орудия суда для выяснения истины.

В конце XIX в. возникла новая, основанная на опыте и наблюдении, наука—экспериментальная психология, которая обогатилась, на основании живого психологического материала, новыми научными открытиями и многими выводами. Криминалисты не замедлили использовать эти экспериментальные данные, содержащиеся в специальных трудах психологов, для изучения вопросов, интересующих криминалистику, присоединив еще сюда обширный материал, взятый из судебного опыта.

В 1902 г. появилась работа приват-доцента Бреславского университета по кафедре философии Вильяма Штерна (Stern), обратившая на себя всеобщее внимание. В этой работе делается попытка использовать общие положения

науки психологии и выработанные ею методы—для изучения вопросов, относящихся к области судебного следствия—к показаниям свидетелей. Таким образом, юридический мир неожиданно получил научную помощь от представителя науки психологии.

Штерн исходил из следующего положения: чтобы установить, может ли воспоминание дать точную копию прошедшего, необходимо иметь возможность проверить свидетельское показание путем сопоставления, путем, так сказать, очной ставки между объективной действительностью и воспоминанием свидетеля об этой действительности. Для этого надо получить свидетельские показания о таких предметах или событиях, которые не исчезают бесследно, как это имеет место в реальной жизни, а которые во всякое время могут быть повторены и, будучи фиксированы, могут быть сопоставлены и сравниваемы с показанием. Этой цели могут служить либо неизменные объекты, картины или отрывки из литературных произведений, либо такие легко повторяемые происшествия, как сценические представления или проекции кинематографа.

Штерн начал с простейшего опыта, который заключался в том, что он давал своим слушателям для рассмотрения фотографические снимки, изображающие более или менее сложные сочетания разных предметов какой либо обстановки или жизненного явления (напр., картинку, изображающую переезд семьи художника со своим домашним имуществом на новую квартиру), и затем через некоторый промежуток времени (через 3—4 минуты) отбирал от каждого из них описание того, что он видел на этой картинке. Кроме того, через несколько недель от этих же лиц отбирались вторичные показания, и наконец, спустя еще несколько недель, этим же лицам предлагалось еще раз описать эти картинки и при этом подчеркнуть в описании все то, что они, в случае судебного разбирательства, готовы были бы подтвердить под присягой.

Ошибки в ответах устанавливались количественно и качественно; для этого показания были разложены на составные элементы: для каждой картины были составлены списки деталей и затем все верно отмеченные в каждом показании детали отмечались на листе знаком +, неверные—знаком —. Итог тех и других показывал объем воспоминания и ошибок, при делении одного итога на другой получался процент ошибок. Пример: в показании содержится 50 детальных указаний, из них 3 ложных, следовательно, $\frac{3}{50} = 6\%$ показаний неверны.

Разумеется, такой способ процентного исчисления представляется недостаточно точным, в виду того, что важность отдельных элементов слишком различна, чтобы их отмечать

одинаково единицей: одни детали могут легче запоминаться, чем другие.

Для исправления этого недостатка — хоть отчасти, — наиболее важные предметы считались Штерном за 2 единицы; в отношении этих предметов как верные, так и неверные показания отмечались двойными числами, и наоборот, незначительные мелочи отмечались как полуошибки. Конечно, тут как и во всякой статистике, приходится довольствоваться грубыми выводами, которые имеют лишь относительное значение.

Результаты этого опыта были следующие. Участвовали в опыте 33 человека—25 мужчин и 8 женщин. Всего было получено от этих 33 лиц 282 общих показания, заключавших в себе 10913 показаний об отдельных деталях; из этого числа показаний 919 оказались совершенно неверными, т. е., в среднем, неправильных, „ложных“ показаний было 8,5%, причем в первичных показаниях было неправильностей 1 из 17, а во вторичных—1 из 10, т. е. почти вдвое больше. Это имеет значение для суда, потому что ему приходится иметь дело почти всегда с вторичными показаниями, т. е. отобранными чрез некоторый промежуток времени. Затем, чем длилнее промежуток времени между показаниями, тем увеличивается число ошибок, что опять-таки имеет весьма важное значение для судебного процесса, в виду обычной медленности производства.

Различие пола обнаружилось следующим образом: женщины меньше забывают, но больше ошибаются; в первичных показаниях большой разницы нет, во вторичных мужчины пропускали 20%, женщины 13%, но зато первые делали 7,8% ошибок, вторые 10,5%; забывчивость женщин относится к мужской забывчивости, как 2 к 3, ошибочность как 4 к 3. Из 63 показаний, данных под присягой, 11 были неверны, т. е. $\frac{1}{6}$ часть, а в общем в этих показаниях было меньше неправильностей, чем в обыкновенных показаниях без присяги. И здесь разница полов останавливает на себе внимание: женщины готовы подтвердить под присягой больше утверждений, чем мужчины, но в их присяжных показаниях столько же ошибок, как и в неприсяжных, между тем, как у мужчин в присяжных показаниях меньше ошибок, чем в неприсяжных; все безошибочные присяжные показания даны исключительно мужчинами.

Характер ошибок самый разнообразный, напр.: пропуск того, что было в действительности, прибавки того, чего в действительности не было, разные превращения, т. е. изображение действительности в ином виде, в особенности во всем, что касается количества, качества, расположения и взаимоотношения предметов.

В следующих опытах Штерна, произведенных теми же методами, выяснились дополнительные данные. В опытах, в которых показания свидетелей отбирались в непродолжительном после восприятия времени и при том касались виденных им объектов, не представляющих для внимания особой трудности, — средняя ошибочность показаний равна приблизительно 25%, другими словами, из четырех определенных ответов один неверен. Ошибочность эта значительно меньше в свободном рассказе свидетеля, чем в ответах его на специально предложенные ему вопросы: 6% и 27½%; в акустических ответах—11% и 56%. Ошибочность возрастает от влияния времени, именно в такой прогрессии: через 5 дней ошибочность увеличивается на 1,5%, через 14 дней—на 4,3%, и через 21 день—на 6%; особенно это сказывается в показаниях количественных: показания относительно величины, силы, степени, множества, продолжительности—с течением времени явно обнаруживают тенденцию к преувеличениям. Ошибочность достигает крайне высоких размеров, в зависимости от некоторых особых свойств объекта; так, напр., при показаниях относительно цвета на вопросы о красках почти половина ответов неверна, а именно, у детей ошибочность определялась в 40—50%, у взрослых—свыше 30%. При этом заслуживает внимания, что яркие цвета, кричащие краски, которые, как мы привыкли думать, наиболее сильно врезаются в память, на самом деле, как видно из опытов Штерна, оказываются наиболее слабо запечатленными в памяти: Штерн показывал детям и молодым людям весьма ярко раскрашенный рисунок; в связной передаче того, что было замечено на этом рисунке, не было почти никаких указаний на его окраску, а при ответах на вопрос о красках показания получались в большинстве случаев неверные, именно, в среднем на каждые три верных ответа приходилось два неверных.

На основании позднейших опытов, Штерн пришел к заключению, что „показания о внешности лиц, в особенности, о цвете волос, бороде и усах, одежде и цвете ее, вовсе не заслуживают доверия, если в момент восприятия признаки эти почему либо не привлекли к себе особого внимания свидетеля“.

Один из опытов Штерна заключался в следующем. Он предложил группе студентов вопрос об устройстве аудитории, в которой они были 8 дней тому назад—в частности, о числе окон и скамей, расположении дверей, потолке и т. д. Из общей суммы полученных ответов 15% имели неопределенный смысл („не знаю“), 25%, т. е. больше четверти были неверны.

Опыты Штерна относились по преимуществу к зрительным восприятиям. Произведенный Штерном опыт слухового

характера заключался в следующем: А делает небольшое устное сообщение Б. Последний через три часа записывает сообщение и прочитывает его В, который, в свою очередь, через три часа записывает его и прочитывает Г, а этот тем же порядком передает его Д. В результате этой последовательной передачи получается поразительное извращение первоначального содержания сообщения, которое обнаруживается, главным образом, в склонности к преувеличениям.

III.

Конечно, эти опыты происходили в иных, более благоприятных, условиях, чем это бывает в жизни. Испытуемые — студенты, интеллигентные молодые люди, т. е. особенно впечатлительные; при обозрении картинок они знали, что им придется давать показания, поэтому внимание их было особенно напряжено, тогда как на суде свидетелям приходится передавать впечатления, случайно запечатлевшиеся у них, большею частью, мимолетные, невнимательно воспринятые ими и памятью не запечатленные. При этом следует еще иметь в виду, что в жизни мы вообще видим ничтожную долю того, что представляется нашему взору. Лишь часть сетчатки глаза воспринимает ясно, соседние же части, в которых сосредоточивается большая часть горизонта, воспринимают лишь неясные очертания. При опытах эти неудобства исчезают, так как „свидетели“ могли последовательно передвигать картины перед сетчаткой. Если еще к этому прибавить продолжительность наблюдения во время опыта, в течение 3-4 минут,—чего в вихре быстро сменяющихся впечатлений в реальной обстановке не бывает, то будет ясно, что объективные причины ошибок восприятия в жизни играют более серьезную роль, чем при опытах. Затем, при опыте первичные показания давались сейчас же, после обозрения картинок, а вторичные—вскоре после первичных, тогда как судебным свидетелям приходится давать показания через гораздо более продолжительный промежуток времени, и потому у них впечатления оказываются обыкновенно сильно потускневшими. Наконец, при опыте исключена возможность аффекта, пристрастия, в сторону симпатий или антипатий, внушения или других эмоционально-субъективных проявлений, которыми обыкновенно окрашиваются судебные показания.

Но зато в некоторых отношениях обстановка искусственных опытов менее благоприятна, чем действительная жизнь. Прежде всего опыт—как-никак есть фикция, которая не может достигнуть силы реальной обстановки, и даже „присяжные“ показания едва ли сравнимы в опытах и на суде. Затем в картинах, служащих объектом наблюдения в

опытах, нет сопутствующих условий жизненной обстановки, — движения, шума, звуков, дополняющих зрительные впечатления всякой действительности. И наконец, реальные события находятся между собою в логической связи, которая облегчает их запоминание.

Таким образом, опыты имеют свои выгодные и невыгодные стороны. Но едва ли можно сомневаться в том, что первые преобладают, и таким образом следует признать, что опыты дают в результате минимум ошибок, возможных в показаниях свидетелей по поводу событий действительной жизни.

Опыты Штерна привлекли к себе внимание широкого круга исследователей. Подобные опыты, с теми или иными различиями, были повторены в разных местах и разными исследователями: Бине, Вешнером, Минеманом, Борстом, Дугалем и др., между прочим, у нас, в России — Елистратовым и Завадским (авторами работы „К вопросу о достоверности свидетельских показаний“, 1904).

Опыты производились в двух направлениях, сообразно двум главным органам, посредством которых мы воспринимаем окружающий нас внешний мир — оптические и акустические.

Вместо картинок, многие экспериментаторы прибегали к специально подстроенным и тщательно срепетованным сценам, которые неожиданно разыгрывались на глазах непредупрежденных участников. Такою постановкою опыта имелось в виду более приблизиться к естественным условиям живой действительности.

В этом отношении интересен опыт, произведенный проф. Листом. Во время практических занятий по уголовному праву у проф. Листа, в одной из аудиторий берлинского университета, разыгралась трагическая сцена: один из присутствовавших студентов, оскорбленный резким замечанием товарища, бросился на него с угрожающими словами и сжатыми кулаками; оскорбителю вытащил из кармана револьвер и направил его на нападающего; профессор схватил его за руку, и револьвер в дрогнувшей руке дал осечку. Никто из присутствовавших студентов, кроме участников сцены, не подозревал в ней искусно сложенного эксперимента; не подозревали они этого и в то время, когда давали письменные показания о происшествии, произведшем на окружающих весьма сильное впечатление. Результаты этого опыта были следующие.

Показания давали 14 человек. Количество неверных показаний колебалось у отдельных очевидцев между 28% и 80% общего количества данных показаний, причем только трое из 14 свидетелей дали менее половины неверных показаний, а у остальных 11 человек неверные показания

превышают 50%. Если разделить все происшествие на подготовительную часть его (начало ссоры) и бурную часть (нападение), то показания, относящиеся к последней, оказываются значительно более неверными, чем показания, относящиеся к первой, а именно: процентное количество неверных показаний, по мере приближения к заключительной части происшествия, возрастает, давая минимум 42,8% и максимум—114,3%. Это резкое возрастание неверных показаний, относящихся ко второй драматической половине опыта, показывает, что чем больше очевидец охвачен совершающимися на его глазах событиями, чем больше он потрясен, взволнован, увлечен перипетиями происшествия,—тем менее достоверны его воспоминания о воспринятом и пережитом. Число ошибок, достигающее 114,3%, указывает, что не только каждая из деталей происшествия была воспроизведена неправильно, но, кроме того, было воспроизведено еще некоторое количество деталей, вовсе не имевших места в действительности.

Тем же профессором Листом был произведен другой опыт акустического характера. В семинарии его группы студентов был прочтен случай из уголовной практики; один из слушателей тотчас рассказал его второй группе; далее один из ее членов—третьей группе; и наконец, лицо, входившее в состав последней, передало только что слышанное им четвертой группе. „Эта последняя передача, замечает Лист, представляя полное искажение сообщенного случая, как в целом, так и во всех его существенных элементах, дала уже уничтожающую критику свидетельства по слухам“.

Другой инсценированный опыт был сделан проф. бреславского университета Липманом. Во время его лекции (аудитория состояла из рабочих), в 8^{3/4} ч. утра, за 1/4 часа до окончания лекции, кто-то постучал в дверь. Липман ответил—войдите. Входит дама и говорит с ним шопотом. Липман ответил громко: „Но теперь мне некогда; ты можешь, ведь, меня подождать, я сейчас кончу“.—„Ну, так я могу здесь подождать“,—говорит дама.—Пожалуй, садись там; только сиди тихо“. Дама берет с кафедры книжку, садится на переднюю скамью слева, с краю около окна, облокачивается на обе руки и читает взятую с кафедры книгу до 8 ч. 55 м. Вдруг она говорит: „Тут ужасно жарко, нельзя ли открыть окно“. Встав, она берется за ручку оконной рамы, Липман говорит: „Нет, оставь, здесь вовсе не жарко“,—и обращаясь к аудитории не правда ли?—„Мне здесь жарко, лучше я подожду на дворе“. Она быстро выходит, сунув книжку в карман юбки.

Через 3 дня Липман предложил своим слушателям рассказать, что они заметили во всей этой сцене с дамой. Их рассказ он дополнил листом вопросов, касающихся